

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматриваются вопросы уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних. Отмечается, что действующее уголовное законодательство РФ учитывает несовершеннолетний возраст потерпевшего в качестве квалифицирующего признака в ряде составов преступлений. Однако, не сомневаясь в необходимости дифференциации уголовной ответственности с учетом несовершеннолетнего возраста потерпевшего, отмечается отсутствие системности в его законодательной оценке. По мнению автора, системность квалифицирующих обстоятельств обуславливает единообразие законодательных конструкций однородных признаков. Вносятся предложения, направленные на совершенствование уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних.

Ключевые слова: несовершеннолетний; охрана; преступление; потерпевший; ответственность.

В настоящее время в Российской Федерации для защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, пострадавших от семейного насилия и жестокого обращения, используются гражданско-правовые, административные и уголовно-правовые механизмы привлечения виновных к юридической ответственности.

В частности, Семейный кодекс РФ в случаях уклонения родителей от выполнения своих обязанностей, в том числе по содержанию несовершеннолетних детей, либо злоупотребления своими родительскими правами предусматривает меры воздействия в виде лишения родительских прав или ограничения в родительских правах. Жестокое обращение с детьми, в том числе осуществление физического или психического насилия над ними, покушение на их половую неприкосновенность, также влечет за собой лишение родительских прав (ст. 69 СК РФ).

Кодекс РФ об административных правонарушениях содержит ряд новелл, направленных на защиту детей от отсутствия заботы и ненадлежащего обращения. Так, вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения рассматривается в качестве обстоятельства, отягчающего административную ответственность. В ст. 5.35 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних.

Уголовным кодексом РФ предусмотрена ответственность за физическое, психическое и сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних и малолетних, их сексуальную эксплуатацию. В одиннадцати статьях УК РФ установлена ответственность за преступления, которые могут быть совершены только против детей, в том числе против девочек, причем семь из них объединены в специальную главу – «Преступления против семьи и несовершеннолетних». Большинство норм, содержащихся в этой главе, направлены на защиту детей в семье и пресечение преступного поведения родителей, законных представителей и иных лиц, на которых возложены обязанности по воспитанию детей и контролю за их поведением. В частности, уголовная ответственность предусмотрена за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) и антиобщественных действий (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством – ст. 151 УК РФ); неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспита-

нию несовершеннолетнего родителями или иным лицом, на которое возложены эти обязанности, а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанного осуществлять надзор за несовершеннолетними, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетними (ст. 156 УК РФ).

В российском уголовном законодательстве несовершеннолетний возраст потерпевшего предусмотрен в качестве квалифицирующего признака в 15 составах (п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 121, ч. 3 ст. 122, п. «д» ч. 2 ст. 126 и 127, п. «б» ч. 2 ст. 127.1 и 127.2, п. «а» ч. 3 ст. 131 и 132, п. «д» ч. 2 ст. 206, п. «в» ч. 3 ст. 228.1 и «а» ч. 3 ст. 230, ч. 3 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241, ч. 2 ст. 359 УК РФ). Существенный перепад общественной опасности посягательств в отношении несовершеннолетнего по сравнению с основным составом объясняется наличием факультативного объекта – общественных отношений, направленных на нормальное физическое, психическое, нравственное развитие несовершеннолетних, и психофизиологическими особенностями лиц, данного возраста.

Не сомневаясь в необходимости дифференциации уголовной ответственности, с учетом несовершеннолетнего возраста потерпевшего, считаем важным отметить отсутствие системности в его законодательной оценке.

Широкая распространенность насильственных посягательств на несовершеннолетних и единство причинного комплекса преступлений против жизни и здоровья предполагают единообразие в построении квалифицирующих признаков, характеризующих возраст потерпевшего. В соответствии с принципом системности одноименные признаки в преступлениях с единым видовым объектом должны регламентироваться в законе единообразно. Однако в гл. 16 УК РФ несовершеннолетие потерпевшего названо квалифицирующим признаком только в составах истязания (п. «г» ч. 2 ст. 117), заражения венерической болезнью (ч. 2 ст. 121 УК РФ) и заражения ВИЧ-инфекцией (ч. 3 ст. 122 УК РФ). Это решение и непонятно, и абсурдно при сравнении структуры квалифицирующих признаков причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ), побоев (ст. 116 УК РФ) и истязания (ст. 117 УК РФ). Несмотря на однородность криминологических показателей и единство причинного комплекса этих преступлений, несовершеннолетний возраст отнесен к квалифицированным обстоятельствам в ст. 117 УК РФ, а в ст. 115 и 116 УК РФ – нет. Несогласованность уголовно-

правовых запретов негативным образом сказывается на качестве охраны детей от угрозы побоев и причинения легкого вреда здоровью.

С точки зрения криминологической обоснованности непонятен отказ законодателя от дифференциации уголовной ответственности за принуждение к действиям сексуального характера (ст. 133 УК РФ). В желании повысить качество уголовно-правовой охраны половой неприкосновенности детей законодатель отнес несовершеннолетний возраст к числу особо квалифицированных признаков ст. 131 и 132 УК РФ, но не счел необходимым закреплять этот признак в ст. 133 УК РФ, в то время как, по мнению исследователей, перечисленные способы понуждения в ст. 133 УК РФ особенно эффективны в отношении несовершеннолетних, психика которых еще не устоялась [1. С. 498]. Это положение подтверждается и официальной статистикой: в 62% случаев именно несовершеннолетние понуждаются к действиям сексуального характера.

Нельзя признать и достаточным качество дифференциации уголовной ответственности с учетом малолетнего возраста потерпевшего.

Высокая общественная опасность посягательств на малолетних объясняется беспомощностью потерпевших и негативными психофизиологическими последствиями их виктимизации. Эти лица нуждаются в посторонней помощи и защите со стороны государства и общества.

Малолетний возраст потерпевшего признается квалифицирующим признаком в 5 составах УК РФ (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, ст. 134 и 135 УК РФ) и особо квалифицирующим – в двух составах (п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ). На нарушение требований системности его законодательного учета указывает то обстоятельство, что в п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ и ч. 2 ст. 120 УК РФ малолетний возраст поглощается признаком беспомощности потерпевшего, в то время как в большинстве составов он указан наряду с беспомощностью потерпевшего (п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ). Между тем разведение этих понятий лишено практического смысла в свете рекомендаций Пленума Верховного Суда РФ от 27 марта 1999 г., определившего малолетний возраст как признак беспомощного состояния потерпевшего.

Возросшей опасностью половых посягательств на детей объясняется внесение в УК РФ поправок от 27 июля 2009 г.: исключений признака заведомости для виновного малолетнего и несовершеннолетнего возраста потерпевшего (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ; введение квалифицированного обстоятельства – совершение деяния в отношении лица, заведомо не достигшего двенадцатилетнего возраста (ч. 3 ст. 134 и 135 УК РФ); увеличение размера наказания за совершение половых посягательств в отношении малолетних и несовершеннолетних.

В комментариях ученых и практических работников по поводу внесенных изменений, высказанных на страницах СМИ, в качестве основного аргумента в пользу необходимости ужесточения уголовной ответственности за сексуальные посягательства чаще всего указывалось широкое распространение педофилии в России. В средствах массовой информации настойчиво подчер-

кивалось, что количество зарегистрированных преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних увеличилось в 25,6 раза. Если в 2003 г. было зарегистрировано 156 подобных фактов, то в 2007 г. – уже более 3 000 [2].

Анализ официальных статистических данных и знание общих криминологических закономерностей не позволяют согласиться с такого рода выводами. В общей структуре зарегистрированных преступлений половые посягательства традиционно составляют не более 0,5%. При этом в последние годы их абсолютное число и уровень постоянно снижаются. Так, в 2003 г. в РФ было зарегистрировано 8 085 изнасилований, в 2009 г. – 5 398. В этот же период наблюдалось сокращение числа зарегистрированных насильственных действий сексуального характера, понуждения к действиям сексуального характера. Отметим, что наряду со снижением указанных выше посягательств наблюдается рост преступлений, связанных с половым сношением и иными действиями сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ), и преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ (развратные действия). Но абсолютные показатели этих преступлений существенно (в разы) меньше, чем изнасилований и насильственных действий сексуального характера.

Считаем необходимым отметить и то обстоятельство, что статистические данные о лицах, выявленных за совершение преступлений против половой неприкосновенности, показывают снижение общего числа таких лиц ко всем учитываемым преступлениям данной группы и общее снижение.

В соответствии с ч. 1 ст. 87 УК РФ «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Данное положение не в полной мере соответствует международно-правовым документам. В частности, в Конвенции ООН о правах ребенка (ст. 1) «ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста». Отметим, что термины «несовершеннолетний» и «ребенок» в этом документе используются как синонимы. В ст. 11 (а) Правил ООН, касающихся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы «несовершеннолетним является любое лицо в возрасте до 18 лет». В российском семейном законодательстве несовершеннолетним признается недостижение лицом возраста 18 лет (ст. 54 СК РФ).

В действующем уголовном законодательстве России есть и другие противоречия в оценке возрастных границ. Так, установление «возрастной невменяемости» в УК РФ (ч. 3 ст. 20), при подтверждении которой несовершеннолетний не подлежит уголовной ответственности, можно рассматривать как одну из мер, направленных на реализацию принципов, закрепленных в «Пекинских правилах». Речь идет о случаях, когда несовершеннолетний формально достиг возраста уголовной ответственности, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих дейст-

вий (бездействий) и руководить ими. Указание в ч. 3 ст. 20 УК РФ на несовершеннолетних, достигших возраста 14 лет, дает основание предполагать наличие несовершеннолетних, не достигших этого возраста.

В соответствии с правилами юридической техники применяемый в УК термин не должен допускать двойного толкования, а это означает, что в ряде случаев криминологическая безопасность лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, должным образом не обеспечивается.

Если несовершеннолетний возраст потерпевшего является квалифицирующим обстоятельством в 15 составах УК РФ, то малолетний возраст (не достижение лицом возраста 14 лет) – в 6 составах (п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132, ч. 2 ст. 134 и 135 УК РФ, ч. 3 ст. 241 и п. «б» ч. 2 ст. 242.1 УК РФ). Асимметрия в законодательном учете возраста потерпевшего приводит к парадоксальной ситуации: в ряде случаев преступления в отношении несовершеннолетних признаются более опасными, чем в отношении малолетних (ст. 121, 122, 126–127.2 УК РФ). Так, в соответствии с законом похищение малолетнего будет квалифицироваться по ч. 1, а не по п. «д» ч. 2 ст. 126 УК РФ (похищение, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего). Одним из вариантов разрешения этого противоречия является ограничение действия ч. 1 ст. 87 УК РФ разделом V УК РФ.

В стремлении повысить качество уголовно-правовой охраны детей законодатель отказался от признака заведомости для виновного возраста потерпевшего в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132, п. «а» ч. 3 ст. 230, ст. 242.1 УК РФ. Это решение поставило под сомнение не только требование системности, но и принцип субъективного вменения. Как известно, все квалифицированные признаки умышленного преступления (за исключением дополнительных последствий) должны охватываться интеллектуальным элементом умысла, т.е. осознаваться виновным [3]. С этих позиций необоснованным является допущение иной, кроме умысла, формы вины по отношению к возрасту потерпевших. Представляется, что привлечение лица к ответственности за совершение квалифицированного преступления в случаях неосознания им несовершеннолетнего или малолетнего возраста жертвы как необходимого (обязательного) признака состава преступления можно рассматривать как объективное вменение. О нецелесообразности внесенных в УК РФ изменений свидетельствует и то обстоятельство, что даже при отсутствии соответствующего указания осведомленность виновного о возрасте жертвы является необходимой. Это подтверждает и постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» от 14 февраля 2000 г., указавшее на невозможность привлечения к уголовной ответственности взрослого, который не знал о несовершеннолетности вовлекаемого несовершеннолетнего. Показательно, что законодатель, отказавшись от признака заведомости несовершеннолетнего и (или) малолетнего возраста потерпевшего в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132, п. «а» ч. 3 ст. 230, ст. 241.1 УК РФ, сохранил его в п. «д» ч. 2 ст. 126, п. «д» ч. 2 ст. 127,

п. «б» ч. 2 ст. 127.1 и 127.2, ст. 134, ст. 135, ч. 3 ст. 240, п. «в» ч. 2 ст. 241 и др. Отметим, что ни содержание уголовно-правовых запретов, ни криминологические особенности преступлений не позволяют проследить логику и критерии ранжирования составов.

Системность квалифицирующих обстоятельств обусловливает единообразие законодательных конструкций однородных признаков. Однако в п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ признак заведомости исключен по отношению к малолетнему возрасту жертвы и сохранен по отношению к беспомощности потерпевшего. Остается неясной цель осуществленных изменений: является ли она тактическим приемом разведения квалифицирующих признаков в ст. 105, 111, 112 УК РФ либо не совсем удачным способом выделения малолетнего возраста из числа признаков беспомощности жертвы.

Данный вопрос не праздный, поскольку приобретает особую значимость при рассмотрении п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ (истязание в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии...). С одной стороны, отсутствие указания на малолетний возраст потерпевшего и наличие признака заведомости в отношении беспомощности жертвы являются достаточным основанием для отрицания возможности квалификации истязания малолетнего по п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. С другой стороны, в судебной практике малолетний возраст по-прежнему рассматривается как беспомощное состояние потерпевшего.

Возникает немало вопросов и по поводу отсутствия единой терминологии при обозначении одной и той же категории потерпевших. Так, в п. «з» ч. 1 ст. 63, п. «в» ч. 2 ст. 105, п. «б» ч. 2 ст. 111, п. «в» ч. 2 ст. 112 УК РФ употребляется термин «малолетнее лицо», а в п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132, ч. 2 ст. 134 и 135, п. «б» ст. 242.1 УК РФ – «лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста». Наличие двойного наименования одной и той же категории потерпевших обуславливает поиск скрытого смысла в законодательных определениях и искусственно разводит понятия. Представляется, что исключить возможность ограничительного толкования норм возможно посредством введения унифицированного понятия малолетнего возраста потерпевшего.

Бесспорно, что наличие проблем уголовно-правовой защиты прав несовершеннолетних не исчерпывается отмеченными нами выше.

Так, в УК РФ и сегодня остаются пробелы с точки зрения регламентации ответственности за различные формы экономической эксплуатации детей, криминализация которых предусматривается международно-правовыми документами.

Россия должна обеспечить право ребенка на защиту от экономической эксплуатации и от выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствиям в получении им образования, либо нанести ущерб его здоровью, физическому, умственному, моральному и социальному развитию. Эти положения закреплены в Конвенции ООН о правах ребенка, в Конвенции Международной организации труда № 182 «О закреплении и немедленных мерах по исключению наихудших форм детского

труда», рекомендациях Международной организации труда № 190 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда».

За пределами уголовной ответственности до сих пор остается использование несовершеннолетних на работах, на которых запрещается применение их труда, а также прием несовершеннолетних на указанные работы при отсутствии признаков торговли людьми и использования рабского труда.

Представляется, что в действующем Уголовном кодексе РФ установлены необоснованно низкие санкции за совершение преступлений, посягающих на базовые права несовершеннолетних: право на жизнь новорожденного ребенка, половую неприкосновенность детей, охрану здоровья и нравственности, нормального развития ребенка. Многие преступления совершенно необоснованно отнесены законодателем к преступлениям небольшой и средней тяжести. Речь идет о таких дея-

ниях, как убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ), доведение до самоубийства (ст. 110 УК РФ), оставление в опасности (ст. 125 УК РФ), неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (ст. 156 УК РФ).

Отметим, что на перечисленные выше преступления распространяется большинство актов амнистии, регулярно применяемых в России, а осужденные за них лица, оставаясь фактически безнаказанными, возвращаются в семьи, воспитательные или образовательные учреждения, что способствует рецидиву насилия и жестокого обращения с несовершеннолетними, совращения, сексуальной и экономической эксплуатации детей, в том числе в семье и воспитательных учреждениях. В уголовном законодательстве РФ существуют и иные пробелы в охране прав несовершеннолетних, которые, безусловно, требуют самостоятельного детального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Орешкина Т.Ю.* Уголовно-правовое значение дальнейшей дифференциации несовершеннолетних, потерпевших по возрасту // Материалы Международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)»: Сб. тез. М., 2009. С. 497–498.
2. *Официальный сайт ИНТЕРФАКТ.* URL: <http://www.interfax.ru/news?sec=1448>
3. *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2003. 279 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 1 марта 2011 г.